

Русскоязычные иммигранты в Новой Зеландии: пути социокультурной адаптации и новые идентичности

Елена Александровна Майдель-Стивенс,

Ph.D. (Psychology), Школа психологии, Университет
королевы Виктории, Веллингтон, Новая Зеландия.

E-mail: elena.stevens@vuw.ac.nz

Авторизованный перевод с английского:

Полина Петровна Кобелева,

Ph.D. (Linguistics), Открытый политехнический инс-
титут, Новая Зеландия.

E-mail: polly.kobeleva@openpolytechnic.ac.nz

В статье анализируются изменения в социально-психологической и этнической идентичности русскоязычных эмигрантов в Новой Зеландии, прибывших туда после распада Советского Союза. Выделены и прокомментированы основные проблемы их аккультурации в новой культурно-языковой среде. Основой для выводов послужили материалы обширных интервью с респондентами, проживающими в столице страны г. Веллингтоне.

Ключевые слова: русские, Новая Зеландия, постсоветские эмигранты, идентичность.

**Russian-speaking immigrants in New Zealand:
problems in socio-cultural adaptation and new identities**

Elena Alexandrovna Maidell-Stevens, Ph.D. (Psychology), Victoria University of Wellington, New Zealand, elena.stevens@vuw.ac.nz.

Translation from English by **Kobeleva Polina Petrovna,** Ph.D. (Linguistics), The Open Polytechnic of New Zealand, polly.kobeleva@openpolytechnic.ac.nz.

The article deals with the types of identity among Russian-speaking migrants in New Zealand and based on the series of recorded interviews with them. The focus group is the postsoviet immigrants residing Wellington, the capital of the country.

Key words: Russians, New Zealand, postsoviet emigrants, identity.

По разным источникам, со времени распада Советского Союза около 10 миллионов выходцев из России и бывших советских республик переселились в различные страны мира, в т.ч. и в Новую Зеландию [8]. Это небольшое южнотихоокеанское государство ведёт активную иммиграционную политику и принимает большое число мигрантов и беженцев из различных стран — ежегодно от сорока до пятидесяти тысяч человек. По данным национальной переписи 2006 г., почти каждый пятый житель страны (22,9% от всего населения) родился за пределами Новой Зеландии.

Почти половина всех мигрантов прибыла из азиатских стран, в основном из Индии и Китая. В настоящее время в стране проживает более 200 этнических групп, из которых только 28 насчитывает более 4000 чел. [15; 16]. К числу малочисленных этнических групп в переписях отнесены и русскоязычные иммигранты. Во многом по этой причине вопросы, связанные с их адаптацией в новой стране, пока малоисследованы.

Во время переписи 1996 г. около 3000 чел. указали Россию местом рождения. При этом 5600 чел. заявили, что говорят по-русски, и 9% из них — что не говорят по-английски [17]. Эти участники переписи были представлены несколькими национальностями (русские, украинцы, казахи, евреи и др.), но все указали, что основным языком для них является русский. Как известно, почти всё население Советского Союза было двуязычным, и для большинства людей русский являлся либо родным, либо сильным вторым языком.

Через десятилетие, во время переписи 2006 г., более 4800 чел. указали «русский» в графе «этническая принадлежность». Данные по украинцам, белорусам и другим этническим группам, проживавшим на территории бывшего Советского Союза, отсутствуют: эти группы насчитывают менее 4000 чел. и поэтому в таблицах отдельно не вынесены. 4578 чел. назвали местом рождения Россию, и 1152 чел. указали, что родились на Украине. Тем не менее русскоязычные иммигранты являются одной из самых быстрорастущих групп наряду с корейцами, арабами, хорватами, иракцами и южноафриканцами [20]. В целом численность русскоязычных иммигрантов за последние десять лет выросла в три раза (для сравнения: в 1996 г. 1449 чел. указали местом рождения Россию и 408 — Украину). Всего в 2006 г. 7893 чел. заявили, что владеют русским языком, из них 7269 — в подгруппе «европеец», 259 — в подгруппе «азиат», 231 — в подгруппе «новозеландец» и несколько человек — в других подгруппах [16].

Наиболее многочисленные русскоязычные общины располагаются в Окленде, в Веллингтоне и Крайстчёрче; значительно меньше носителей русского языка проживает в Гамильтоне, Палмерстон-Норте и других небольших населённых пунктах Новой Зеландии.

Различные этнические группы из бывшего Советского Союза имели общий язык (русский), а также историю, культурные традиции и ценности, что обосновывает возможность рассматривать их в совокупности при анализе опыта иммиграции. Настоящее исследование исходит из предположения, что все выходцы из России и бывших советских республик по этой причине характеризуются общими чертами в опыте иммиграции несмотря на различия в этнической принадлежности. Мы применяем термин «русскоязычные» к участникам нашего исследования — иммигрантам, прибывшим в НЗ из России и бывших советских республик, — предполагая, что эти мигранты пользуются одинаковой социально-культурной базой при создании, поддержании и перестроении идентичности. Данное исследование также предполагает, что эмигранты, выехавшие из одних и тех же областей бывшего Советского Союза в разные исторические

периоды, пользовались неодинаковыми ресурсами в процессе формирования идентичности — в зависимости от политических, экономических и социальных условий как в стране исхода, так и в стране приёма.

При изучении связей и сообществ, созданных иммигрантами в США, были сделаны выводы, что мигранты, не имеющие общей идентичности в стране исхода, часто развивают новую, более широкую идентичность, которая включает в себя несколько подгрупп мигрантов. Например, в США этногеографические подгруппы выходцев из Италии — пьемонтцы, неополитанцы, сицилийцы и римляне — превращаются просто в «итальянцев» [18]. Аналогичным образом на основе общего языка и общей истории миграции большинство иммигрантов из бывшего Советского Союза приобрели более широкую этническую идентичность в Новой Зеландии. Местным жителям легче считать их всех «русскими». «Людей, говорящих на одном языке, объединяет сам этот факт; их роднит „соучастие в речи“, ибо язык отражает опыт и ценности культуры». Так, например, украинцев, говорящих по-русски, «тянет» к русской идентичности в силу культурных уз, которые накладывает язык [13, с. 1084].

Большинство русскоязычных общин в западных странах состоит из двух типов: «старые» иммигранты, уехавшие во времена тоталитарного режима, и «новые» иммигранты, которые уехали позднее, в период экономической и политической нестабильности вслед за распадом СССР. Различия между двумя типами далеко не ограничиваются политическими и экономическими обстоятельствами. Например, эмиграция из СССР в 1970—80-е гг. состояла почти исключительно из советских евреев, которые добились разрешения переселиться в Израиль, а затем на правах беженцев переехали в другие страны. Современные, постсоветские иммигранты более разнообразны по своему этническому составу.

Большие различия также наблюдаются в адаптационных стратегиях двух типов, в уровне владения английским языком и в профессиональных целях. «Старые» иммигранты прибывали в Новую Зеландию с минимальным знанием английского и пользовались поддержкой государства по модели социального обеспечения для беженцев. Для большинства из них профессиональные задачи сводились к «принципу выживания». Эта стратегия — выжить с минимальными потерями — ограничивала развитие творческого потенциала и индивидуальные профессиональные амбиции мигрантов. С ними ассоциировались такие стереотипы и унижительные ярлыки, как «советский менталитет» или «совковое мировоззрение», предполагающие, что иммигранты из социалистических стран никогда не смогут принять идеологию свободного рынка, и, следовательно, неспособны «продать» свои умения и навыки и добиться успеха на Западе.

Современные русскоязычные иммигранты, которые до выезда уже прошли через опыт приспособления к экономически нестабильной, но полной возможностей «новой» России (или соседних, теперь не зависимых стран), представляют собой совершенно иную категорию. Большинство из них довольно хорошо владеют английским языком и ставят более

высокие профессиональные цели, чем старшее поколение. Они переселяются на Запад не для того чтобы выжить, а чтобы добиться успеха. Для них характерны нереально завышенные ожидания, связанные с их высокой профессиональной квалификацией. «Старая» группа более сплочённая и принимает активное участие в коллективных празднованиях и культурных событиях. «Новые» иммигранты — объект настоящего исследования — обычно заняты учёбой, приобретением дополнительных квалификаций, работой (часто в нескольких местах сразу) или общением с новозеландцами с целью продвижения по службе, поэтому они особо не стремятся поддерживать отношения с другими русскоговорящими. Многие «новые» иммигранты настолько поглощены стремлением к успеху в новозеландском обществе, что перестают говорить по-русски, не учат русскому своих детей и постепенно теряют всякую связь с русскоязычной общиной. Как сказал один из респондентов: «Неизвестно, сколько тут живёт русских, потому что некоторые открыто себя русскими не признают и избегают контактов с русскими. Они, конечно, слышат, что у тебя русский акцент, но делают вид, что не замечают». Такие иммигранты, заполняя анкету во время переписи населения, более склонны называть себя «европейцами» или «новозеландцами» и часто указывают только английский как язык общения.

Вышесказанное ещё раз говорит, что любая статистика по русскоязычным иммигрантам в Новой Зеландии вообще и в Веллингтоне в частности — далеко не точная. Существует, например, мнение, что только в Веллингтоне имеется около семисот русскоязычных семей, не считая одиноких лиц. Однако эта цифра не бесспорна, поскольку невозможно однозначно определить, что такое семья: это понятие может варьировать от бездетной пары до трёх поколений русских, живущих вместе под одной крышей.

Под идентичностью в данном исследовании понимается самоощущение человека как процесс, который разворачивается в течение всей жизни и основывается на социальных и культурных элементах, присущих той или иной социально-культурной среде. Каждая среда характеризуется своей системой социальных и культурных предпосылок, являющихся элементами идентичности, поэтому идентичность, построенную в одной культуре, необходимо адаптировать, перестраивать и «переводить» в другую. При перемещении из привычной среды в новую, например, вследствие миграции, может возникнуть чувство оторванности от прошлого и «разрыва» идентичности.

Таким образом, идентичность концептуализируется как подвижное и изменяющееся явление. Мигранты на личном опыте познают степень устойчивости их идентичности. В новой среде часто отсутствует та культурная база, на которой была основана их идентичность в родной стране, поэтому в стране приёма им приходится искать новую базу, переосмысливать свою идентичность и создавать её заново. Это сложный процесс, через который проходит любой человек в течение всей своей жизни, однако у мигрантов он резче выражен и часто является болезненным, поскольку осложнён переходом в незнакомую среду. В этом аспекте мигранты

являются уникальным объектом исследования, т.к. у данной группы людей коренное перестроение идентичности практически неизбежно. Они глубоко задумываются над тем, что с ними происходит, и способны описать свои чувства и мысли об этом процессе.

Респонденты и методология. Основными методами настоящего исследования являлись этнографический и нарративный, которые применялись с учётом специфики изучения русскоязычных иммигрантов в новой среде обитания. Важным было и то обстоятельство, что большинство из них имело ту же этническую принадлежность, что и авторы. В исследовании принимало участие 27 респондентов (14 мужчин и 13 женщин), представлявших русскоязычную общину Веллингтона. Возраст участников варьировал от 20 до 60 лет. Все они принадлежали к постсоветской волне эмиграции и переехали в Новую Зеландию не более 10 лет назад. Большинство респондентов имело высшее (советское и российское) образование и владело английским языком на довольно хорошем уровне. Набор респондентов длился 4 года — с 2005 по 2009 г.: сначала через личные контакты авторов исследования, а затем через личные контакты участников.

Сбор данных проходил в форме подробных полуструктурированных интервью либо в доме респондента, либо в офисе авторов. Все интервью проводились на русском языке, а затем аудиозаписи были транскрибированы и переведены на английский с целью публикации результатов исследования в англоязычной литературе. Переводы выверялись двумя ассистентами: носителем новозеландского английского и переводчиком-билингвом, носителем русского и английского языков. Продолжительность интервью длилась от 30 до 90 минут. Предварительно подготовленный Вопросник состоял из семи пунктов. В реальной обстановке вопросы поддерживались дополнительными вербальными стимулами (пояснениями, уточнениями).

1. Основной вопрос: Как вы себя здесь [в новозеландском обществе] чувствуете?
Стимулы: Кем вы себя здесь ощущаете?
2. Какое место вы занимаете в новозеландском обществе?
Стимулы: Как вы представляетесь новозеландцам? Какой у вас социальный статус по сравнению с местными?
3. Какой у вас круг общения?
Стимулы: С кем вы больше общаетесь, с новозеландцами или с русскоязычными? Как и с кем вы проводите свободное время?
4. Какой вы ведёте образ жизни здесь? Отличается ли он от вашего образа жизни в родной стране?
5. Изменилось ли ваше понимание себя как личности в результате иммиграции?
6. Какие у вас планы на будущее?
Стимулы: Чего вы хотите добиться в новозеландском обществе? Собираетесь ли вы остаться в Новой Зеландии?
7. Не хотите ли что-нибудь добавить?

Обработка данных. Обработка данных шла в рамках тематического подхода в традиции постмодерна [4; 3; 10]. Тематический анализ позволяет выявить и интерпретировать ключевые темы несмотря на глубоко личный и разносторонний характер материала. Выбор данного подхода был также обусловлен необходимостью переводить интервью. Необходимость перевода текстов интервью на английский обусловила диалогический ракурс интерпретации или ситуацию, когда «участники пытаются осмыслить свой опыт, а исследователь пытается осмыслить как участники осмысливают свой опыт» [14, с. 51]. В этом случае сам процесс перевода становится частью анализа, т.к. при переводе идей и значений, сформулированных участниками в ходе интервью, эти идеи и значения автоматически переосмысливаются через иную лингвистическую систему. Таким образом, наша работа была основана на «многоголосой» методологии, когда самоописания респондентов дополняются интерпретациями исследователей, и где значение «не схватывается, не отражается, а формируется и уточняется в диалоге участвующих в процессе взаимного познания и понимания людей...» [1, с. 11]. Некоторые респонденты спонтанно употребляли английские слова во время интервью; в цитатах из текстов интервью они выделены курсивом и сопровождаются переводом в квадратных скобках. Фразы, на которые респонденты делали особый упор, выделены заглавными буквами. При цитировании указан номер интервью и пол респондента.

Анализ и интерпретация тем. Результатом тематического анализа является идентификация четырёх наиболее ярких и часто затрагиваемых тем (табл. 1.) При анализе стало ясно, что порядок тем последовательно отражает стадии переосмысления идентичности у большинства респондентов. Например, тема утраты идентичности часто упоминалась в контексте первых месяцев после переезда, а такие подтемы, как «гибриды» и «космополиты» — уже в контексте результата адаптации в новозеландском обществе и, как правило, по истечении двух-трёх и более лет после въезда в страну.

Таблица 1

Темы и подтемы в интервью

Тема	Основные подтемы
1. Утрата идентичности	1.1 Утрата профессиональной идентичности 1.2 Работа не по специальности
2. Негативные ярлыки	1.1 Второй сорт 1.2 Клеймо акцента
3. Пути адаптации	1.1 Нормализация 1.2 Место жительства как якорь 1.3 Чувство принадлежности 1.4 Новая карьера 1.5 Личностный рост
4. Новая идентичность	1.1 Гибриды 1.2 Космополиты

Утрата идентичности. Ощущение утраты или «разрыва» идентичности вскоре после эмиграции — широко распространённый и описанный психологами феномен «культурного шока». Многие из наших респондентов надеялись, что в новозеландском обществе их примут такими как есть, однако их ожидания не оправдались.

М3: «...по прибытии сюда, ну, первое, что, так сказать, сделали... ну, так сказать... реакция этого общества, ну, наверное, это любого общества... что первое — это показать, что ты НИЧТО!.. Ты чужак, ты ничто! Ну, это первое, что ощутилось, когда попытался устроиться на работу. Со всеми своими... предыдущими... *university degree* [университетскими дипломами]... это сразу, так сказать, понятно, что... твоё... всё образование — в корзине. Вот. Это первое, так сказать... запомнившееся... ощущение, да? Что, в общем-то... знаем мы все ваши образования... вот... что это всё липа... вот, и так далее. Если это не говорилось прямо, то это подразумевалось».

Утрата профессиональной идентичности. Идентичность и карьера для большинства респондентов были тесно взаимосвязаны. Работа, которая отражала бы высокую профессиональную квалификацию, опыт, таланты и способности мигрантов, являлась основой их мироощущения в стране исхода, и её отсутствие в Новой Зеландии стало источником чувства некомпетентности, безысходности и пессимизма.

Ж21: «И он (старший советник) мне сказал в разговоре, причём, совершенно как бы искренне, что то, что у тебя в CV написано, что ты работала в каких-то международных организациях, здесь совершенно никому не интересно. У тебя нет местного опыта, поэтому.. И я этому так поразились, потому что даже в России, когда я устраивалась на работу, люди знали, что если я шла из Всемирного Банка, то это хорошо! А здесь это типа... как бы никому вообще не интересно, ты вообще не котируешься у нас...»

Работа не по специальности. Начиная поиск работы, иммигранты десятками отправляли свои CV с описанием своего образования, прошлого профессионального опыта и навыков работы местным работодателям. Многие респонденты сетовали на то, что их умения и навыки не востребованы, а также на преобладание подозрительности и отрицательного отношения новозеландских работодателей к иммигрантам.

М2: «...у меня ящик есть отдельный, 150 отказов. За всё время, из этих 150 отказов я только 3 раза был приглашён на интервью... А сейчас я им говорю, что я шофёр такси, ЕСТЕСТВЕННО... Очень часто, когда меня спрашивают — вообще у них напряжёнка с иронией, честно говоря — но когда... скажешь... то есть как это? Кто ты? — Как кто?! Шофёр такси, естественно! Кто же ещё! — Вот они понимают, о чем идёт речь, потому что постоянно... с этим встречаешься, это лейтмотив в разговорах с пассажирами. Они говорят, что у них самые высококвалифицированные шофера такси в мире... наверное. Я говорю им, что да, да, это точно...»

Как показывают исследования, во многих европейских странах имеет место этноцентризм [5; 9]. Зачастую, когда мигранты подают заявление на работу, их высшее образование и опыт, полученные за границей, не считаются равными местным. Наше исследование, а также некоторые работы по другим группам иммигрантов в НЗ [6; 19] подтверждают, что ситуация в новозеландском обществе в этом плане во многом схожа с европейской.

Негативные ярлыки. Ярлыки — это дискурсивный приём, позволяющий отнести группу людей к определённой социальной категории и часто приписать им маргинальный статус. Такие ярлыки как, например, «чужаки», «другие», «не наши» подразумевают неравенство и «неадекватность» мигрантов в глазах принимающего общества.

Некоторые респонденты в общении с новозеландцами ощущали себя людьми «второго сорта», низшими по статусу в социальной иерархии исключительно в силу своего этно-культурного происхождения.

Ж8: «Одни считают, что... особенно кто — ну, доктора, или ещё кто-нибудь... люди с офисов... какие-нибудь... богатые люди считают тебя как второй сорт *anyway* [в любом случае]... потому что иммигрант...»

Ж14: «... у меня... снизился... уровень внутренней самооценки... сильно снизился... То есть, я себя, вот это вот постоянно чувствуешь невостребованной какой-то, второсортной, да? и-и... тут абсолютно никому не нужной и, может быть, даже не интересной...»

Многие респонденты отмечали, что их русский акцент и грамматические ошибки в речи приводят к тому, что новозеландцы считают их неграмотными и чуть ли не умственно отсталыми. В похожей ситуации находятся иммигранты из островных тихоокеанских государств — Самоа, Тонга и других. Новозеландские СМИ часто представляют их нездоровыми и психически неполноценными [12]. Даже минимальные пробелы в лингвистической компетентности мигрантов принимающим обществом приравниваются к глупости, лени и умственным недостаткам [3; 7], что подтверждается опытом многих респондентов нашего исследования.

Ж4: «...люди, если я не говорю по-английски... (то они относятся ко мне)... как к умалишённой, скажем так... могли вообще за ручку куда-то увести-привести... [...] просто хотелось, чтобы воспринимали меня как равную, а не как умалишённую...»

Ж10: «И я слышала не раз комментарии самих новозеландцев, как они... распределяют людей по их акценту... что, конечно, ставит иммигрантов в... неблагоприятное положение, потому что когда ты начинаешь говорить, они тут же решают, что ты занимаешься уборкой лука на полях...»

Пути адаптации. По истечении времени иммигранты перестают пассивно констатировать утрату идентичности и негативные ярлыки и сте-

реотипы принимающего общества. Они начинают перестраивать своё самопонимание и мироощущение и искать пути адаптации. Первым маркером начала процесса изменения идентичности является восприятие отрицательных элементов социо-культурной среды (например, стереотипов и унижительных ярлыков) как чего-то обыденного, а не из ряда вон выходящего. Начинаясь **нормализация** — знак того, что иммигранты начинают активно перестраивать свою идентичность и отказываются подчиняться правилам большинства, навязанным извне. Вот как одна из респонденток объясняет своё чувство отчуждённости как «нормальное»:

Ж11: «Я... чувствую слегка, конечно, какое-то отчуждение... мне, конечно, в лицо никто ничего не говорит... а может быть, моя неуверенность в себе... Мне иногда кажется, что всё-таки я для них вот ЧУЖАЯ... тоже в чем-то. Но это, наверное, нормально, я по этому поводу НЕ переживаю...»

Очевидно, что она переходит из роли реципиента («В лицо мне это никто не говорит») к роли активного участника («Я...», «Я не переживаю по этому поводу»).

Иммигрантам часто задают вопрос: «Where are you from?» («Откуда вы приехали?»). Большинство из них находят его оскорбительным, полагая, что сама его постановка создаёт искусственную символическую границу, т.к. подразумевается, что «мы здешние, а вы — нет». Многие респонденты предпочитают отвечать нестандартно с целью привлечь внимание собеседника к тому, что они провели в стране приёма уже довольно много времени и являются законными жителями и гражданами. Не упоминая страны исхода, они называют своё реальное **место жительства** (город, микрорайон) в Новой Зеландии, используя его **как якорь** для воссоздания собственной идентичности.

М2: «Ну, они обычно... начинают с... с дурацкого вопроса: „Откуда Вы?“ На этот вопрос я всегда отвечаю: „Из Морнингтона“. Так тут они задумываются, теряются ненадолго, а потом самые интеллигентные из них из всех говорят: „Это всё прекрасно, но я спрашиваю, откуда Ваш акцент?“ Я говорю: „Ну, акцент у меня из Москвы“».

М3: «Ну и возникает вопрос ... Откуда вы приехали? *Where are you from?* А у меня готов ответ: „*I am from Miramar. I am a Miramartian* (Из Мирамара. Я мира-мар-сианин)“».

Многие респонденты подчёркивали, что познание культуры страны приёма — необходимое условие появления **чувства принадлежности** и создания идентичности полноценного члена новозеландского общества. Знание социокультурных особенностей страны приёма формирует ощущение, что человек «укоренился» на новом месте.

Ж7: «Мне очень хочется ощущать себя частью этого общества, но это очень не всегда получается. Во-первых, я очень плохо знаю новозеландцев, я их совсем не знаю, можно сказать... Я надеюсь, что прожив, может быть, лет пять ещё хотя бы здесь, ну, не просто прожив, а больше узнав... о Новой Зеландии и всё-таки познакомившись с людьми новозеландскими, может быть, я бы очень хотела... ощущать себя кивийкой...»

М3: «Она (Новая Зеландия) — моя вторая Родина. В общем-то, я уже и не представляю другой жизни. Кроме этой. То есть, я себя не ощущаю киви, но и предыдущее состояние уже тоже... Я чувствую, что возврат невозможен. То есть, я ощущаю это как вторую жизнь... в новом... в новом качестве. Поменялись условия — поменялся и я».

Ощущение компетентности, профессионального и финансового успеха и общего удовлетворения жизнью даёт **новая карьера**. У большинства респондентов идентичность стала восстанавливаться после того, как они получили местное образование и/или хорошую работу.

Ж8: «Сейчас вот спустя пять лет, когда... прошла учёба... появилась профессия, и есть работа, — то сейчас в данный момент, конечно, это небо и земля опять между тем, что- И намного лучше, чем... Чувствую себя намного лучше, чем в России. То есть, я здесь себя чувствую... ну, в принципе, нормальным полноценным человеком...»

Ж11: «Для меня... моё ощущение себя, скажем, процентов на 50... связано с моей профессиональной деятельностью... То есть... если я не делаю ничего, или не могу делать... я... ничто, да? Если я делаю то, что мне хочется, и мне нравится моя работа... где-то 50% я уже личность».

У нескольких респондентов общее положительное самоощущение перешло в осознание **личностного роста**. Многие отметили, что в результате адаптации к новым условиям жизни они стали более уверенными в себе. Тот факт, что они многого достигли несмотря на финансовые трудности и дискриминацию, стал фундаментом их новой идентичности — ощущения самоценности и гордости за свои достижения в НЗ.

Ж6: «То есть, это как бы: себя проверил уже, чего-то добился и уже как бы о себе думаешь: А-а, вот я вот это могу, оказывается... Ну, и как-то вот начинаешь понимать, на что ты годишься, а на что — нет... и как ты можешь справиться вообще с вот этими всякими... трудными ситуациями в жизни, скажем, не лёгкими...»

Формирование новой идентичности респонденты выражали метафорами, например, сравнивая себя со скульптором или мастером.

Ж4: «Мне просто интересно (увидеть) со стороны... на себя посмотреть... и вообще, как всё это... как бы... (как) сглаживаются эти углы... постепенно. Оно как бы на самом деле ваяется...»

МЗ: «Я начал... рихтовать себя под это общество. Конкретно, значит, это получение этого... МЕСТного университетского образования... И после того, как я его получил... всё-таки... чего не могут сделать, так сказать, многие... местные молодые люди... после того, как я всё-таки получил эту работу... которую тоже не могут получить многие... местные... значит, я понял, что я всё-таки... не совсем дурак...»

Новая идентичность. В нашем материале можно выделить два типа идентичности, к которой мигранты пришли в результате опыта миграции и его переработки. Первый из них — **гибридная идентичность** — функционирует «между» двумя (или более) культурами. Такая идентичность бинарна, т.е. состоит частично из социо-культурных элементов, полученных в стране исхода, и частично из элементов, приобретённых в стране приёма.

Подобная идентичность характерна для лиц, мигрировавших в молодом возрасте, часто со своими родителями [21]. Гибридная идентичность отмечалась и в исследованиях русской иммиграции в Америке, где её интерпретировали как «американизацию» молодого поколения с точки зрения родителей [5, с. 663—664]. Некоторые респонденты свободно «переключаются» с одной части своей гибридной идентичности на другую.

Ж7: «Вот у меня новозеландский парень, с ним я... веду себя как новозеландка. С русскими я веду себя как русская. Ну... это зависит уже, человек автоматически переключается. У меня все друзья... с новозеландцами они... как вот по щелчку они... полностью новозеландцы. У них шутки новозеландские, у них поведение новозеландское. Они будут думать по-русски, но вести себя как новозеландцы... А... на русском, их только переключить в русскую компанию — они абсолютно другие, их не узнать вообще...»

Объяснение такой метаморфозы было предложено другой респонденткой:

Ж8: «Мы немножко и не русские уже, и не кивийцы, то есть мы (улыбаясь)... перемешаны...»

Космополитическая идентичность связана с типом мигрантов, которые относятся к миграции как к своего рода жизненному призванию. Этот тип идентичности созвучен политическим, экономическим и социальным процессам в современном обществе, которые можно объединить понятием глобализации. Несколько наших респондентов заявили, что не испытывают тяготения ни к одной культуре и отличаются от всех других людей как в родной стране, так и в Новой Зеландии. Отличие заключается в неких личных качествах, которыми они обладали задолго до переезда — например, целеустремлённостью, жадой самоактуализации и успеха, сильной самомотивацией.

М17: «...здесь я намного выше среднего, потому что я тот человек, который хочет рваться куда-то... Если ты средний, ты сидишь и не высываешься. А если ты дёрнулся... Те люди, которые... поехали в Америку, в Австралию... Они более активные. Иммигрант — это более активный человек. Это тип человека, это генетический какой-то склад, наверное... ты не можешь меня сравнить с кивийцем по-среднему, потому что я выше... по активности, среднего кивийца... То есть, как бы математически мы разные единицы».

Для подобного типа идентичности характерно также отсутствие привязанности к одному определённом месту — своего рода «самовосприятие постороннего» или человека, постороннего в любой культуре [11, с. 109]. Один из наших респондентов так выражает свою новую идентичность:

М3: «Я и в том обществе, из которого прибыл, ощущал себя посторонним наблюдателем. Я не отождествлял себя с тем обществом... Точно так же, по прибытии сюда, особенно поняв, так сказать, все его сильные и особенно слабые стороны, я не отождествляю себя с этим обществом тоже. [...] В моем случае это ещё часть моего, моей особы, *identity*... [идентичности] что я не... не склонен себя отождествлять... с ЧЕМ бы то ни было... Это общество довольно дружелюбно... даже более чем дружелюбно во многих случаях... и тем не менее... оно... оно не моё. Я чужд ему... Ну, это часть меня, собственно говоря, и оно ни в коей мере не мешает жить... То есть, как это говорится, я такой родился...»

Таким образом, анализ материала позволил выявить два основных направления в поддержании идентичности мигрантов. Первое направление характеризуется достаточно пессимистичным подходом к определению своего места в обществе и нашло отражение в таких темах, как «утрата идентичности» и «негативные ярлыки». При этом часть респондентов говорила о невозможности восстановления их прежнего самоощущения себя как полноценных членов общества, и чувствовали они себя людьми второго сорта в силу дискриминационного отношения со стороны новозеландцев. Второе направление характеризуется более активным подходом к решению проблем адаптации. Те мигранты, которые отказались мириться с неравным положением, уготованным для них страной приёма, предпочли активно бороться с негативными ярлыками и предрассудками местного населения. Их адаптационными стратегиями стали получение новозеландских квалификаций, создание новой карьеры и укрепление своей связи с новой социально-культурной средой, что привело к ощущению собственной ценности и росту самооценки как личности. В результате активного включения в жизнь новозеландского общества некоторые респонденты пришли к осознанию новых видов идентичности, гибридной и космополитической.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Янчук В.А. Методолого-теоретические основания развития организационной психологии в традиции постмодерна // *Актуальні проблеми психології*. 2005. Т. 1. Ч. 15. С. 126—132.
2. Aroian, K. J., Spitzer, A., Bell, M. Family stress and support among former Soviet immigrants // *Western Journal of Nursing Research*. 1996. № 18(6). P. 655—674.
3. Blackledge A. Discourse and power in a multilingual world. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2005.
4. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. № 3. P. 77—101.
5. Burns T.R. Towards a theory of structural discrimination: Cultural, institutional and interactional mechanism of the 'European dilemma' // *Identity, belonging and migration*. Liverpool: Liverpool University Press. 2008. P. 152—172.
6. Butcher A., Spoonley P., Trlin, A. Being accepted: The experience of discrimination and social exclusion by immigrants and refugees in New Zealand. Palmerston North, NZ: New Settlers Programme, Massey University. 2006.
7. Coulthard M. By their words shall ye know them: On linguistic identity // *Identity trouble: Critical discourse and contested identities*. New York: Palgrave Macmillan. 2008. P. 143—155.
8. Elias N., Shorer-Zeltser M. Immigrants of the world unite? A virtual community of Russian-speaking immigrants on the web // *The Journal of International Communication*. 2006. № 12(2). P. 70—90.
9. Flam, H. On institutional and agentic discrimination: migrants and national labour markets // *Identity, belonging and migration*. Liverpool: University of Liverpool Press. 2008. P. 172—197.
10. Gergen K.J., Gergen M.M. (1988). Narrative and the self as relationship // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1988. Vol. 21. P. 17—56.
11. Krzyżanowski M., Wodak R. Multiple identities, migration and belonging: 'Voices of migrants' // *Identity trouble: Critical discourse and contested identities*. New York: Palgrave Macmillan. 2008. P. 95—119.
12. Loto R., Hodgetts D., Chamberlain K., Nikora L.W., Karapu R., Barnett, A. Pasifika in the news: The portrayal of Pacific peoples in the New Zealand press // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2006. № 16. P. 100—118.
13. Pirie P.S. National identity and politics in Southern and Eastern Ukraine // *Europe-Asia Studie*. 1996. № 48(7). P. 1079—1105.
14. Smith J.A., Osborn, M. (2003). Interpretative phenomenological analysis // *Qualitative psychology*. London: Sage. 2003. P. 51—80.
15. Statistics New Zealand. 2001 Census: National Summary. URL: <http://www.stats.govt.nz> (дата обращения: 1.09.2009).
16. Statistics New Zealand. 2006 Census: National Summary. URL: <http://www.stats.govt.nz> (дата обращения: 1.09.2009).
17. Thomson B. Ethnic Diversity in New Zealand: A Statistical Profile. A report on main population groups in the Ethnic Sector, prepared for the Ethnic Affairs Service, based on the information from the Census on Population and Dwellings, 1996. Wellington: Department of Internal Affairs. 1999.
18. Tilly C. Transplanted networks // *Immigration reconsidered: History, sociology, and politics*. New York: Oxford University Press. 1990. P. 79—95.
19. Watts N., Trlin A. Diversity as a productive resource: Employment of immigrants from non-English-speaking backgrounds in New Zealand // *Social Policy Journal of New Zealand*. 2000. № 15. P. 87—101.
20. Woodd K. Cultural diversity and context // *Aotearoa Ethnic Network Journal*. 2006. № 1(1). P. 38—40.
21. Zevallos Z. (2008). 'You have to be Anglo and not look like me': identity and belonging among young women of Turkish and Latin American backgrounds in Melbourne, Australia // *Australian Geographer*. 2008. № 39(1). P. 21—43.